

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. ОБ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППАХ

Приводится анализ норм, относящихся к институту соучастия в преступлении, содержащихся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уложении 1903 г., законодательстве советского периода. Подробно анализируется как само понятие соучастия в преступлении, так и формы соучастия, которые были закреплены в законодательных актах рассматриваемого периода, но больше внимание уделяется такой форме соучастия, как организованная группа.

Ключевые слова: уголовное законодательство; преступление; соучастие; умысел; предварительный сговор.

Соучастие давно известно российскому уголовному законодательству. Однако наиболее точно и юридически совершенно определение соучастия было дано только в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Так, ст. 13–17 Уложения устанавливали ответственность за соучастие в преступлении, выделяя два вида совместного участия двух и более лиц в совершении преступления: совершение преступления несколькими лицами по предварительному согласию или без него. В первом случае (ст. 15) были указаны следующие виды соучастников: зачинщики, сообщники, подстрекатели, пособники. Во втором случае (ст. 14) были выделены лишь главные виновные и участники, причем участие в совершении преступления могло быть как непосредственным, т.е. выражаться в совместном совершении преступления, так и опосредованным, которое предполагало, например, доставку средств для совершения преступления или устранение препятствий для его совершения.

Наличие предварительного сговора рассматривалось как обстоятельство, отягчающее вину и, соответственно, усиливающее уголовное наказание.

Под общей рубрикой о соучастии в Уложении содержались нормы, рассматривавшие случаи прикосновенности к преступлению: попустительство (ст. 16), заранее не обещанное укрывательство (укрывательство заранее обещанное было отнесено к пособничеству – ст. 15), недонесение (ст. 17). Последнее наказывалось лишь в случаях, когда закон обязывал довести до сведения правительства о готовившемся или совершенном преступлении (см., например, ст. 265, 271, 274 Уложения).

Нормы, устанавливавшие различия соучастия на два вида, относились к первому разделу Уложения, именуемому «О преступлении, поступках и наказаниях вообще».

Вместе с тем в Особенной части Уложения 1845 г. содержались нормы, предусматривавшие такие виды совместной преступной деятельности, которые находились за рамками института соучастия.

Так, ст. 271 предусматривала ответственность «за бунт против власти верховной», под которым понималось восстание скопом и заговором. В Уложении отсутствовало определение понятия «скоп», однако было очевидным, что под ним имелось в виду совершение преступления большой по численности группы лиц (от нескольких сотен до нескольких тысяч чело-

век), называемой толпой. Совершение преступления толпой рассматривалось в качестве более опасного, чем совершение преступления в одиночку или в соучастии, предусмотренном ст. 13–17 Уложения. Это объяснялось тем, что индивиды в толпе приобретают сознание своей численности и особой силы, что облегчает рост низменных и насильственных стремлений. Наблюдая, что другие стремятся к тому же, «отдельный человек уже не стыдится того, чего стыдился бы, будь один; пример других ободряет его, дает в его глазах известную санкцию намеренному поступку. Падает или даже исчезает чувство ответственности, устраняется опасение, что другие осудят, ведь и они стремятся к тому же» [1. С. 159].

Статья 271 Уложения была очень похожа на ст. 19 и 20 гл. II Соборного уложения и статьи 19, 37 Артикула воинского. Она предусматривала ответственность за многие деяния, рассматривавшиеся как тяжкие государственные преступления, – восстание против государя, заговор, намерение свергнуть его с престола и др. Так же как и Свод законов (ст. 223 тома XV), под бунтом против власти Уложение понимало восстание скопом, подготовленное тайно и сопряженное с насильственными действиями. Виновными признавались как те, кто стоял во главе организации заговора, так и принимавшие в нем участие, оказавшие помощь заговорщикам в любой форме, а также те, кто не донес о заговоре. Обязательным условием для привлечения всех этих лиц к ответственности являлось знание ими цели действий: «...заговор против государя и государства, а равно умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой его части, или же переменить образ правления, или установленный законом порядок наследия престола». В дальнейшем «скоп» как форма совместной преступной деятельности был помещен в Общую часть Уложения после соучастия.

Статьи 347–353 Уложения предусматривали ответственность за создание и участие в разного рода тайных обществах. В соответствии с положениями, сформулированными в этих статьях, наказанию подлежали как лица, являющиеся основателями и руководителями (начальниками) тайных обществ, члены таких обществ, имевшие представление о целях деятельности последних, так и лица, знавшие о таких обществах и не сообщившие о них правительству при наличии возможности сообщить об этом. В соответствии со ст. 347 наиболее строгому наказанию подвергались лица, при-

знанные основателями или начальниками тайных обществ, а также члены таких обществ.

Необходимость усиления борьбы с тайными обществами привела к принятию в марте 1867 г. нового закона о тайных обществах, который, с одной стороны, более четко, а с другой стороны, более широко сформулировал ответственность за создание обществ, имевших не только политический, но и социальный характер. Была установлена ответственность для обществ, дозволенных правительством, но уклонившихся от обозначенной в разрешении цели. Репрессиям подлежали все, как указывалось в законе, преследующие вредную для государственного благоустройства и общественной нравственности цель сбора, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и т.п. В дальнейшем, в Уложении 1903 г., ответственность за создание тайных обществ, имеющих политический характер, была предусмотрена в гл. 3 «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной основы императора и членов императорского дома» и в гл. 5 «О смуте».

В результате изменений и дополнений, которые вносились в Уложение 1845 г., само Уложение менялось и в Особенной части появилась норма, предусматривавшая уголовную ответственность за создание шайки и вступление в нее.

В соответствии с Уложением шайка являлась формой совместной преступной деятельности по предварительному сговору. И хотя понятие «шайка» в самом законе не раскрывалось, но из его смысла можно было заключить, что под таковой понималось преступное сообщество, созданное несколькими лицами для совершения какого-либо рода преступлений вообще или для совершения какого-либо конкретного преступления.

Шайка представляла собой тайную форму совместной преступной деятельности, обязательным признаком которой являлся предварительный сговор, т.е. для признания наличия шайки необходимо было установить существование предварительного соглашения между несколькими лицами на совершение противозаконного и безнравственного деяния, запрещенного Уложением под угрозой наказания.

Известный русский ученый Н.С. Таганцев полагал, что для понятия шайки необходимо наличие известного числа сообщников, «по крайней мере трех», но обоснование такого утверждения о необходимости наличия в шайке как минимум трех лиц им не приводилось. Позднее, в 1902 г., Н.С. Таганцев в своих лекциях по уголовному праву писал, что шайка предполагает соглашение хотя бы двух лиц [2. С. 336].

Отличительным признаком шайки первого вида являлось наличие сговора на совершение нескольких преступлений, конкретно неопределенных. Во втором случае было возможно наличие уговора на совершение и одного преступления, но обязательным условием являлось наличие того обстоятельства, что шайка создается для совершения конкретного преступления и ее участники соорганизуются между собой исключительно для достижения каждому из них точно известного преступного результата.

В соответствии со смыслом рассматриваемого уголовного закона шайка представляла собой преступное сообщество людей, объединившихся для совершения ими ряда преступлений известного рода, чем такое сообщество занималось в качестве промысла, без определения конкретных случаев преступных посягательств. Например, шайки, созданные для совершения разбойных нападений, грабежей, зажигательства, изготовления фальшивых монет (ст. 924, 1633, 1639 Уложения) или же для совершения исключительно одного или нескольких преступных посягательств, предмет которых заранее был определен, например шайка, созданная для совершения поджога чужого леса (ч. 2 ст. 1613 Уложения).

Из смысла постановлений Уложения о наказаниях следует, что состав шайки образуется из ее основателей, руководителей, пособников, укрывателей и иных лиц, вступивших в шайку. В связи с этим следует отметить, что такой состав участников мог иметь место в обоих вышеупомянутых видах шайек, поскольку в законе не было указано, что известный состав либо организация составляют исключительную принадлежность или обязательное условие какого-либо одного из двух названных выше сообществ.

Различия выделенных видов шайек состояли в том, что в первом случае имел место сговор на совершение неопределенных преступлений, что являлось преступным ремеслом соучастников, во втором же случае предмет преступного посягательства был известен соучастникам и шайка создавалась ими непосредственно в целях совершения заранее оговоренных преступлений.

Анализ содержащихся в Уложении норм позволяет говорить о том, что при совершении преступлений шайкой не являлось обязательным условием выполнение объективной стороны состава преступления всеми участниками сообщества. Преступление непосредственно могло быть совершено даже одним из участников, но при условии, что виновный в его совершении исполнитель являлся членом шайки и преступление, которое он непосредственно совершил, планировалось и остальными участниками. Поэтому уголовно-правовое воздействие распространялось на всех членов шайки. Из этого следует, что анализируемое Уложение предполагало установление уголовной ответственности лиц, хотя непосредственно и не принимавших участие в учинении преступного деяния, но определенным образом имевших к нему отношение, что обуславливало наступление преступного результата. В данном случае речь идет о соучастии с разделением ролей (ст. 1645).

Дальнейшим шагом в развитии российского уголовного законодательства об организованных группах явилось утверждение 22 марта 1903 г. Николаем II Уголовного уложения.

Уголовное уложение существенно отличалось от предшествующего Уложения. Прежде всего своей краткостью – всего 687 статей (вместо 2 304). Общая часть Уголовного уложения включала 72 статьи, размещенные в восьми отделениях, которые регламентировали понятие преступления, категоризацию уголов-

ных деяний, виды наказаний, действие уголовного закона в пространстве, снижение и замену наказания, обстоятельства, усиливающие и устранивающие наказуемость.

В Уголовном уложении не просто предусматривалась уголовная ответственность за создание организованной группы и вступление в нее (под которой понималась шайка), но и впервые в отечественном уголовном праве давалось определение понятия «шайка». Под шайкой понималось сообщество, созданное для учинения нескольких преступлений или проступков безотносительно к их определенности или неопределенности. Шайка в соответствии с Уголовным уложением противопоставлялась преступному сообществу, которое создавалось для учинения отдельного тяжкого преступления или проступка (ст. 52).

Очевидно, что произошло изменение законодательного подхода к пониманию организованной преступной группы – шайки, по сравнению с предшествовавшим законодательством.

Отличительной чертой нового подхода являлось то, что в соответствии с Уголовным уложением шайкой можно было признавать только такую группу лиц, которая сорганизовалась для совершения нескольких преступлений независимо от того, оговорены ли были конкретно эти преступления участниками заранее или нет.

Как отмечалось выше, ранее действовавшее законодательство признавало шайкой группу лиц, составленную для совершения даже одного преступления, но заранее оговоренного соучастниками. Н.С. Таганцев относительно такого подхода полагал, что понятие шайки, созданной для совершения единичного преступления, трудно отличить от обыкновенного соглашения на совершение преступления [2. С. 132]. Можно по-разному относиться к мнению великого русского ученого, однако нельзя не видеть его стремление к поиску реальных признаков, характерных для организованных преступных групп, каковыми, без сомнения, являлись шайки.

Задача, которая стояла перед исследователями и законодателем о разграничении простого предварительного соглашения на совершение преступления и шайки, а следовательно, и установление обоснованных пределов и оснований уголовной ответственности соучастников, в Уголовном уложении 1903 г. была известным образом решена.

Именно такое решение проблемы разведения двух обозначенных выше понятий легло в основу дальнейшего развития уголовно-правовых исследований как института соучастия вообще, так и его форм (и, в частности, такой формы, как организованная группа).

Развитие советского уголовного законодательства происходило достаточно активно. Это обуславливалось, в первую очередь, динамичным развитием Советского государства и его основных институтов, в том числе и политических.

В период проведения Октябрьской революции (1917–1918 гг.) источниками уголовного права служили обращения к населению правительства, поста-

новления съезда Советов, декреты, указы местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, инструкции Наркомюста, а также судебная практика. Так, нормы о соучастии в преступлении содержались в декретах 1918 г. о взяточничестве, спекуляции, набатном звоне.

В течение нескольких месяцев после революции декретами о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. и № 2 от 7 марта 1918 г. разрешалось применение судами до-революционного уголовного законодательства, если оно не отменялось революцией и не противоречило революционной совести.

Декрет о суде № 3 от 3 ноября 1918 г. уже не содержал положения об использовании законов свергнутых правительств.

Отправной точкой развития советского уголовного права является принятие 12 декабря 1919 г. Народным Комиссариатом юстиции постановления, именуемого «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Начала содержали лишь общие нормы уголовного права и являлись основой постановлений и декретов государственных органов, определявших уголовно-наказуемые деяния и устанавливавших уголовную ответственность.

«Руководящие начала...» содержали раздел, посвященный соучастию в преступлении, где в ст. 21 определялось, что «за деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), устанавливается уголовная ответственность как исполнителей, так и других соучастников, которыми признавались подстрекатели и пособники. Статьи 22–24 определяли, кто является соответственно исполнителем, подстрекателем, пособником.

Под группой лиц понималась шайка, банда или толпа, однако определений этих понятий в «Руководящих началах» не было.

В законе отсутствовали какие-либо указания на отличительные черты упомянутых групповых образований. В ст. 21 «Руководящих начал» указывалось на признаки, характерные для всех проявлений соучастия. Это, во-первых, количественный признак, который усматривается в указании закона о группе лиц, предполагающей наличие по меньшей мере двух субъектов, но непосредственное указание на количественный состав группы отсутствовало.

Основополагающим признаком группы, будь то шайка, банда или толпа, «Руководящие начала» определяли совершение преступления сообща. Этот признак, именуемый в настоящее время совместностью, был впервые упомянут в ст. 51 Уголовного уложения 1903 г.

Отметим, что в «Положении о революционных военных трибуналах», утвержденных декретом ВЦИК от 20 ноября 1919 г. (как видно, до утверждения «Руководящих начал» по уголовному праву), в ст. 4, где определялась подсудность военных трибуналов, упоминается о совершении некоторых преступлений шайкой. Речь идет о таких преступлениях, как мародерство, посягательство на жизнь человека, изнасилование, разбой, грабеж, поджог, подделка документов и денежных знаков. Военный трибунал рассматривал

дела об этих преступлениях, учиненных военнослужащими и военнопленными, при условии, если они были совершены шайкой. Анализ данной процессуальной нормы позволяет сделать вывод о том, что для признания наличия шайки требовалось установить существование предварительного сговора на совершение преступления, поскольку шайка именно для этого и объединяется, что предполагает возникновение договоренности до начала выполнения объективной стороны конкретного состава преступления.

Существование такой формы соучастия, как группа лиц по предварительному сговору, можно подтвердить указанием «Руководящих начал» на наличие соучастника в преступлении, именуемого подстрекателем, которым считалось лицо, склонявшее к совершению преступления.

Других положений уголовного закона о необходимости существования предварительного сговора для признания шайки или банды на тот период не имелось. О других признаках шайки или банды в послереволюционном законодательстве России не упоминалось. В рассматриваемый период в стране преследовались создание и деятельность контрреволюционных организаций, но кроме цели, других признаков этих групповых образований постановления и декреты советских органов государственной власти не определяли.

Уже в июне 1920 г. вопрос о разработке Уголовного кодекса был внесен на рассмотрение Всероссийского съезда деятелей юстиции. Было разработано несколько вариантов официальных проектов Уголовного кодекса. Проекты УК обсуждались в январе 1922 г. на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, в котором принимали участие 5 500 делегатов.

На пленарном заседании ВЦИК 23 мая 1922 г. в результате постатейного обсуждения проекта было одобрено большинство замечаний к нему и внесены новые поправки, а уже 1 июня 1922 г. УК РСФСР вошел в силу. Это был самый краткий из всех известных мировой истории уголовного права кодекс: всего 218 статей.

Институту соучастия в преступлении были посвящены ст. 15 и 16 Уголовного кодекса, которые носили общий характер, поскольку в них отсутствовало определение понятия «соучастие» и ничего не говорилось о его формах. Содержалось лишь указание на то, что за преступление наказываются как исполнители, так подстрекатели и пособники, а также определялось, кто является таковыми.

В Особенной части УК РСФСР 1922 г. были нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений шайкой, бандой, однако их легального определения не содержалось. Так, из ст. 76 УК следовало, что бандой является вооруженная шайка, за организацию и участие в которой, а также за организуемые ею преступления устанавливается уголовная ответственность. А единственным легальным признаком банды является ее вооруженность.

Анализ норм Особенной части УК позволяет выделить хотя прямо в законе и не указанную, но им предполагаемую фигуру организатора или их определенного числа. Например, в ст. 76 УК устанавливалась

ответственность за организацию банд, что предполагало возможность наличия лица, выполнявшего преступные организационные функции. В этой же статье говорилось и об ином участии в банде, т.е. предполагалось наличие функционального деления ролей соучастников в совершении преступления, что указывало на более высокую степень организации преступной деятельности в банде по сравнению с другими формами соучастия в преступлении. Это подтверждается и тем, что в ч. 2 ст. 76 УК отдельно выделялась такая форма совместной преступной деятельности, как отношение к деятельности банд в виде пособничества последним, их укрывательство в целом, а также отдельных участников, а равно и сокрытие добытого преступным путем и следов преступления.

Все эти положения в полной мере относились и к шайке, за одним изъятием, в шайке отсутствовал признак вооруженности.

Совершение преступления бандой или шайкой в отдельных случаях являлось квалифицирующим обстоятельством и влекло усиление уголовной ответственности. Например, ч. 2 ст. 183 УК устанавливала уголовную ответственность за грабеж, совершенный группой лиц (шайкой), ч. 2 ст. 184-2 УК называла разбой, совершенный группой лиц, бандитизмом и устанавливала повышенную уголовную ответственность по сравнению с простым разбоем.

После принятия Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. республиканские Уголовные кодексы подлежали приведению в соответствие с ними.

УК РСФСР признал себя преемником первого советского УК 1922 г., поэтому назывался Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1926 г. Кодекс был принят второй сессией ВЦИК 12-го созыва и введен в действие 1 января 1927 г.

Уголовный кодекс по примеру УК 1922 г. в своих нормах о соучастии в преступлении не давал его легального определения, указывая в ст. 17 лишь на то, что за совершение преступления одинаково несут ответственность как исполнители, так и их соучастники – подстрекатели и пособники.

В Особенной части УК РСФСР содержались нормы, реализация которых предполагала известные уже формы соучастия: шайка и банда.

В ст. 58-11 УК устанавливалась уголовная ответственность за всякого рода организованную деятельность, направленную на подготовку или совершение государственных преступлений, а равно и за участие в организации, образованной для подготовки и совершения одного из преступлений против государства. Анализ этой нормы позволяет выделить возможную фигуру организатора, который отличается от иных участников тем, что обуславливает существование определенной преступной организованной группы. Термин «организованная деятельность» позволяет полагать, что таковая усиливает, по мнению законодателя, общественную опасность преступления, совершенного подобного рода организацией.

В соответствии со ст. 58-11 меры социальной защиты (т.е. наказание) применялись к лицам, органи-

зующим и участвующим в таких организациях независимо от того, совершено ли ими было какое-либо государственное преступление. Положения ст. 58-11 носили специальный характер и распространялись только на преступления против государства.

Уголовный кодекс 1926 г. оперировал и таким термином, как бандитизм. А ст. 59-3 определяла, что таковым признается организация вооруженных банд и участие в них и организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках поездов и разрушениях железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи.

Признаки банды, кроме вооруженности, не определялись, и о них можно было судить, лишь предполагая их наличие, основываясь на анализе правовой нормы.

Безусловно, что для банды был важен и количественный признак, т.е. наличие определенного состава участников и их функциональное различие. Это положение вытекает из того, что в ст. 59-3 УК 1926 г. разделялись понятия организации банд и участие в них. Для банды была характерна специальная цель – совершение нападений на граждан и организации и совершение преступлений, посягающих на нормальное функционирование транспорта и связи.

Умышленный характер деятельности соучастников в законе не был обозначен в качестве необходимого признака, поскольку, как уже говорилось выше, понятие соучастия в УК 1926 г. вообще отсутствовало. О необходимости наличия у участников банды прямого умысла свидетельствовало лишь то обстоятельство, что вооруженная организация создавалась со специальной целью, что предполагало осознание этой цели всеми участниками. Представляется, что содействие каким-либо образом банде по неосторожности не должно было вести к установлению уголовной ответственности за бандитизм.

Уголовное законодательство 1930-х гг. относится к наиболее мрачным периодам российской истории. Именно оно как наиболее репрессивное из всех правовых средств стало использоваться в нормотворческой и правоприменительной деятельности как орудие массовых репрессий. Уголовная политика стала базироваться на глубоко ошибочной сталинской концепции усиления классовой борьбы по мере строительства социализма.

18-й Пленум Верховного Суда СССР от 2 января 1928 г. внес свою лепту в беззаконие. Он разъяснил, что под контрреволюционными действиями надо понимать действия, «когда совершивший их хотя и не ставил прямо контрреволюционной цели, однако сознательно допускал их наступление или должен был предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий» [3. С. 90].

В результате таких «рекомендаций» высшего судебного органа страны Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР вынуждена была в отчете отметить многочисленные случаи незаконного осуждения за контрреволюционные преступления не «классово враждебных элементов», а бедняков и середняков, совершивших бытовые преступления, преступления против порядка управления и хозяйственные преступления [4. С. 8].

В результате тотального террора, граничащего с геноцидом, жертвами уголовной репрессии в тот период времени стали миллионы людей. По уточненным данным, установленным коллегией КГБ СССР 13 марта 1990 г., с 1930-х по 1953 г. было осуждено за контрреволюционные преступления судебными и внесудебными органами 3,7 млн человек, из них 790 тыс. расстреляны [5].

4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР было издано два Указа: 1) «Об усилении охраны личной собственности граждан» и 2) «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества».

Первый указ в ч. 2 ст. 2 устанавливал уголовную ответственность за кражу, совершенную воровской шайкой, при этом определение воровской шайки отсутствовало.

Анализируя уголовное законодательство того времени, можно предположить, что шайка представляла собой форму соучастия в преступлении. Соответственно, ей были присущи все признаки соучастия, которые в УК РСФСР 1926 г. не определялись, но установить их, используя метод логического толкования закона, возможно.

В отличие от банды, воровская шайка не обладала признаком вооруженности, но сходство этих двух форм соучастия состояло в наличии специальных целей, которые не были идентичны.

Термин «воровская шайка» прямо предполагал цель, для которой она создавалась, – это совершение исключительно краж.

В ч. 2 ст. 2 Указа устанавливалась уголовная ответственность за разбой при ряде квалифицирующих обстоятельств, и одним из них являлось совершение разбоя шайкой. В статье не указывались конкретные цели, для достижения которых создавалась шайка.

Таким образом, можно говорить о том, что уголовное законодательство рассматриваемого периода предполагало наличие шайек вообще, но уголовная ответственность за их создание, организацию и руководство ими непосредственно не устанавливалась. Совершение преступления шайкой являлось квалифицирующим обстоятельством. Отметим, что в п. «в» ч. 2 ст. 47 УК 1926 г. в качествеотягчающих обстоятельств было указано совершение преступления группой или бандой. В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий «группа» и «шайка». Ответ на него содержится в ст. 2 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества», где устанавливалось более строгое наказание за хищение государственного имущества, совершенного организованной группой (шайкой). Такая формулировка прямо указывала, что шайка есть разновидность группы, но в отличие от простой преступной группы, о которой говорилось в п. «в» ч. 2 ст. 47 УК 1926 г., шайка обладала дополнительной характеристикой – наличием организованности.

Что законодатель понимал под организованной группой – неизвестно, поскольку никаких дефиниций в УК 1926 г. в Указах от 4 июня 1947 г. не содержа-

лось. Однако в теории уголовного права того времени велись дискуссии по вопросу определения понятий шайки и организованной группы.

Таким образом, можно говорить, что на законодательном уровне уже были заложены основы разделения простой преступной группы и организованной преступной группы.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. не устанавливал уголовную ответственность за создание шайки и участие в ней. Но в ст. 16 содержалось положение, в соответствии с которым если то или иное деяние прямо не предусматривалось кодексом, то основания и пределы ответственности за него определялись применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривали сходные по роду преступления. Другими слова-

ми, УК 1926 г. допускал аналогию закона. В этой связи отметим, что создание и участие в организованной преступной группе (шайке) по своей сути было сходно с бандитизмом, за который устанавливалась уголовная ответственность в ст. 59-3 УК, за исключением признака вооруженности, который был обязательным только для банды.

Используя положения ст. 16 УК, возможно было, не противореча закону, привлекать к уголовной ответственности организаторов и иных участников организованных преступных групп.

В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР, на основе которых в 1969 г. был принят УК РСФСР, действовавший, как известно, до 1 января 1997 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Познышев С.В. Учебник уголовного права. М., 1923. С. 159.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. I–II. М., 1994. С. 336.
3. Справочник по вопросам судебной практики. М., 1937. С. 90.
4. Сборник постановлений и определений Верховного Суда СССР. М., 1940. С. 8.
5. Правительственный вестник. 1990. № 7.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 сентября 2015 г.

RUSSIA'S CRIMINAL LEGISLATION OF THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES ON ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 233–238. DOI: 10.17223/15617793/401/34

Prozumentov Lev M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: criminal legislation; crime; complicity; intent; preliminary collusion.

Russian criminal law has long been aware of complicity. However, a more concrete and legally perfect definition of complicity was described in the Penal Code and Criminal Correction Act of 1845. The Penal Code describes two types of collaborative commitment of a crime: the crime was committed by several people with prior agreement or without it. A prior agreement to commit a crime was seen as the basis for increasing the severity of the guilt and, thus, increasing the criminal penalty. Certain standards described in the special part of the Penal Code of 1845 are analyzed as well. This part takes into account certain joint criminal activity that occurred outside the frames of the institution of complicity, but, at the same time, assumes responsibility for the criminal acts of several people: revolt en masse, conspiracy, organization of secret societies, and so on. The author devotes special attention to the norm that establishes responsibility for organization of gangs and gang crimes, considering this form of participation in crimes to be the essence of modern organized groups. Through this precise lens the author analyzed gangs as a form of joint criminal activity described in the wording of the Criminal Law of 1903. The author notes that the development of the Soviet criminal law happened quite actively. In this context he analyzed documents having to do with the early years of Soviet rule and noticed that, ignoring their large quantity, the starting point of the development of the Soviet criminal law and the institution of complicity are the “Guiding Principles of Criminal Law in the RSFSR” of December 12th, 1919. This document is then analyzed quite extensively. The law analyzes the institutional norms of joint criminal activity described in the Criminal Code of the RSFSR of 1922, the Criminal Code of the RSFSR of 1926, and other such documents that in one way or the next touch upon this topic, whether it is joint criminal activity in general or participation in criminal activity as part of an organized group.

REFERENCES

1. Poznyshnev, S.V. (1923) *Uchebnik ugovnogo prava* [Textbook of Criminal Law]. Moscow: Yurid. izd-vo Narkomyusta.
2. Tagantsev, N.S. (1994) *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya* [Russian criminal law. Lectures. The General Part]. V. I–II. Moscow: Nauka.
3. Askarkhanov, S.S. & Iodkovskiy, A.N. (1937) *Spravochnik po voprosam sudebnoy praktiki* [Handbook on Jurisprudence]. Moscow: Yurizdat.
4. Anon. (1940) *Sbornik postanovleniy i opredeleniy Verkhovnogo Suda SSSR* [Collection of resolutions and rulings of the USSR Supreme Court]. Moscow: Yurizdat.
5. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1990) 7.

Received: 21 September 2015